

Ссадина на ладони горела огнем. Коснувшись губ, Цзянь Минну стер выступившую кровь. В груди разлилась тупая, жгучая боль; он сидел на холодной земле, тщетно пытаясь перевести дух после сокрушительного падения.

Местные причудливые твари не жаждали человеческой крови, но одного их натиска, отбросившего его прочь, хватило, чтобы едва не лишить юношу чувств.

Каждый вдох отзывался в легких огненной вспышкой. Минну не знал, радоваться ли тому, что отделался легко: его не сбросило к самому подножию, а лишь отшвырнуло шагов на сто в сторону.

Кругом царило безмолвие. Опершись ладонью о шершавый ствол дерева, он попытался подняться. Стоило перенести вес на ногу, как в лодыжку выстрелила острая, пульсирующая боль.

Минну судорожно вдохнул сквозь плотно сжатые зубы.

Приподняв штанину, он осмотрел лодыжку — сустав уже наливался синевой и заметно опух. Должно быть, подвернул ногу, когда летел кубарем.

Немного переведя дух, он уловил едва слышный шорох. Юноша поплотнее прижался к дереву, затаив дыхание и стараясь не шевелиться.

— Тебе не кажется, что чем выше мы поднимаемся, тем мягче становится земля? Идти всё труднее.

— Говорят, на склонах полно скрытых печатей и свирепых тварей. Напорешься на такую — и пиши пропало. Двоих бедолаг в самом низу так приложило, что костей не сосчитать...

— И что с ними теперь? Неужели сразу отсеют?

— О других меньше думай, о себе лучше позаботься.

Слегка повернув голову, Минну сквозь ветви проследил за попутчиками. Адепты продвигались вперед медленно, осторожно прощупывая мечами почву под ногами. Выждав, пока они ушли на безопасное расстояние, он двинулся следом, сильно хромя и глубоко проваливаясь в мягкую землю.

Вершина горы

На самом пике стоял юноша в одеждах ослепительно белых, точно свежесвыпавший снег. Обликом он напоминал изящное ледяное изваяние — на вид не старше пятнадцати лет, с тонкими, изломленными бровями и властным, холодным взглядом. В его благородной осаке и правильных чертах лица сквозило царственное величие. За спиной покачивался изумрудный меч, а лоб украшал алый узор в виде цветка сливы, придававший его безупречной красоте налет завораживающей порочности.

Приоткрыв глаза, он смерил ленивым взглядом раскинувшийся впереди пейзаж.

— Похоже, мы на месте? — Мэй Ханьцзюэ повернулся к замершему перед ним силуэту в багряных одеждах.

Цзянь Сюэхэ замер у края каменной платформы. Проследив взглядом за пляшущими искрами защитных знаков, он коротко бросил:

— Да.

— Значит, мы пришли первыми. Когда вернемся...

Договорить Ханьцзюэ не успел. Заметив, что Сюэхэ сделал два шага вперед, он тут же последовал за ним.

— Этот массив требует присутствия двоих, — не оборачиваясь, произнес Сюэхэ, едва заметно скользнув взглядом по собеседнику.

Сам он подниматься не спешил. Мэй Ханьцзюэ уверенно шагнул на плиты первым, однако узор под его ногами остался мертв.

— Цзянь Сюэхэ, и как это понимать? — Ханьцзюэ недовольно выгнул бровь.

Сюэхэ выдержал короткую паузу и наконец наступил на плиту рядом с ним. Пространство залило ослепительно белое сияние. Вспышка — и оба юноши обнаружили себя у самого подножия горы.

Вокруг раскинулся до боли знакомый пейзаж. Опешивший на секунду Ханьцзюэ тут же повернулся к Сюэхэ.

Одного взгляда хватило, чтобы оба всё поняли без слов.

— Мы что... вернулись назад?

Солнце медленно катилось к закату, окрашивая кроны деревьев в багрянец. Время от времени тишину леса прорезали истошные крики — судя по всему, еще двоих незадачливых учеников унесло ветром, обнулив все их труды.

Минну не смел рисковать. Он осторожно продвигался вперед, перебегая от одной группы адептов к другой и прячась за их спинами. Эта хитрость оправдала себя: больше он не сталкивался со смертоносными ловушками и уже почти подобрался к вершине.

Сумерки сгущались с каждой минутой. Двое попутчиков, за которыми он следовал теперь, походили на личных слуг. За всё время они не проронили ни слова, но шли уверенно и быстро.

Они явно догадывались, что сзади кто-то плетется, но не обращали на него никакого внимания.

— Молодой господин, — подал голос один из слуг. Похоже, они наконец встретились со своим хозяином.

— И почему вы тащились так долго? Разузнали что-нибудь по дороге? — раздался капризный, ленивый голос.

Минну затаился за широким стволом и осторожно выглянул из укрытия. Его взгляду предстало юношеское лицо редкой, изысканной красоты.

Яркое клеймо в виде цветка сливы на лбу не оставляло сомнений: перед ним стоял Мэй Ханьцзюэ, единственный наследник великого клана Мэй из Сянчжоу.

Минну смутно помнил его по прошлой жизни. В будущем этот юноша вступит в Орден Лихо и станет близким соратником Цзянь Сюэхэ — их имена будут вечно соперничать на вершине Списка Небесной Лестницы.

Очередное дитя судьбы, баловень знатных кланов и непревзойденный гений, чьи таланты оставляли обычных людей далеко позади. Настоящая вершина, недостижимая для простых смертных.

Но если Мэй Ханьцзюэ здесь, значит...

Не успел Минну закончить мысль, как натолкнулся взглядом на Цзянь Сюэхэ. Тот неподвижно стоял под раскидистой кроной дерева, скрытый колышущейся паутиной теней.

— Магический массив? Помимо вершины, на склонах есть и другие ловушки?

Минну поспешно спрятался обратно, жадно ловя каждое слово из разговора Ханьцзюэ со слугами.

Сам он являл собой жалкое зрелище: ссадины саднили, порванное во многих местах за долгий день странствий одеяние висело лохмотьями. Любому было ясно, каких трудов ему стоил этот подъем.

Зато Цзянь Сюэхэ казался сошедшим с картины небожителем. На его белоснежных одеждах не виднелось ни единого пятнышка пыли, даже легкий ветерок не смел растрепать его идеальную прическу. Хоть сейчас высекай из нефрита да ставь в алтарь древнего храма.

На мгновение Минну сковала нерешительность. Но сомнения быстро рассеялись: Цзянь Сюэхэ уже приметил его, а продолжать тайком плестись следом без капли духовных сил в теле означало лишь глубже увязнуть в позоре.

— Брат Хэ, — тихо позвал он, послушно выходя на свет.

Услышав шорох, слуги мгновенно подобрались, а Ханьцзюэ с любопытством уставился на незваного гостя.

Воротник изодранного платья Минну слегка сбился набок, обнажая бледную шею. Он от природы рос болезненным и хрупким, а тяжесть пережитого лишь подчеркивала эту изможденность. За два месяца сытой жизни в Поместье Цзян он немного поправился, но фигура его по-прежнему оставалась тонкой, как стебелек камыша. На крошечном личике сияли огромные, подернутые влагой оленьи глаза, пухлые губы были упрямо сжаты, а растрепавшийся локон небрежно упал на лоб. Весь его израненный, потрепанный вид так и кричал о крайней беспомощности — казалось, подуи ветер сильнее, и юноша рухнет наземь.

— Цзянь Сюэхэ, неужто это твой братец? — с нескрываемым любопытством спросил Мэй Ханьцзюэ, забавляясь столь неожиданным появлением.

Лицо Сюэхэ не дрогнуло ни единой черточкой. Наследник клана Мэй лишь мысленно вздохнул: природа одарила этого человека внешностью истинного небожителя, но характер у него был точь-в-точь как у сухой деревяшки.

Скользнув равнодушным взглядом по растрепанной фигуре Минну, Сюэхэ бесстрастно поинтересовался:

— Почему ты один? Где остальные?

— По пути на нас напали чудовищные звери, и я отстал от остальных, — послушно отозвался Минну, благоразумно умолчав о том, что Ли Сяохо, скорее всего, попросту бросил его как бесполезную обузу без капли духовных сил. — Я шел следом за этими господами и не думал,

что встречу тебя здесь, брат Хэ.

В этот момент Минну без колебаний заглушил в себе прежнюю неприязнь и гордость. В горле до сих пор стоял приторный привкус крови, и переживать этот кошмар заново он не желал ни за какие коврижки.

Его голос звучал совсем тихо, едва слышно, с мягкими, жалобными нотками — он открыто искал защиты.

Его нежный голосок скользнул по ушам присутствующих подобно мягкому птичьему перу, оставляя после себя ощущение щемящей легкости.

Пока длилась эта сцена, Мэй Ханьцзюэ с интересом разглядывал Минну. Заметив, что Сюэхэ хранит молчание, он повернулся к нему:

— Ты никогда не упоминал о нем... А твой младший брат умеет подбирать сладкие речи. — Он вновь посмотрел на Минну и великодушно добавил: — Раз уж судьба свела нас здесь, иди с нами.

Минну робко потупился и тихо произнес:

— Спасибо, старший брат.

— Не стоит благодарности. Скажи-ка, с таким нежным голоском... ты, часом, не обучался пению в изысканных домах? — в глазах Ханьцзюэ заплескали лукавые искорки, а в тоне зазвучала легкая, праздная фамильярность.

Цзянь Сюэхэ слегка приподнял веки, одарив Минну коротким, оценивающим взглядом. Молча выслушав их короткий разговор, он не стал возражать, тем самым выразив молчаливое согласие.

— Вовсе нет, — пробормотал Минну. Его лицо тут же залила густая краска смущения. Он прекрасно понял скрытый намек и поспешно уставился себе под ноги.

Некоторых смазливых юношей специально обучали пению, чтобы их голоса звучали сладко и маняще. У Минну же этот вкрадчивый, ласкающий слух тембр был природным даром, который в прошлой жизни принес ему лишь горести да унижения.

Юноша благоразумно прикусил язык. Заметив, что Ханьцзюэ потерял к нему интерес и отвел взгляд, Минну тихо выдохнул и инстинктивно сделал шаг ближе к Сюэхэ, послушно пристроившись за его плечом.

— Не знаю, удастся ли нам вообще добраться до вершины сегодня. Судя по всему, остальных постигла та же участь, что и нас.

На плечо Ханьцзюэ с тихим шелестом опустился голубь с багровыми, точно кровь, глазами. Его шею обвивала тонкая цепочка с подвеской из самоцвета, украшенного гербом клана Мэй, а на сложенных крыльях угадывалась вязь тайных знаков.

— В таком случае, — ровным голосом отозвался Сюэхэ, — кто-то намеренно изменил структуру печатей на горе.

— Думаешь, кто-то умышленно не дает испытанию закончиться?

Сюэхэ ограничился кратким кивком. Боковым зрением он уловил, как Минну, воспользовавшись короткой паузой, поспешно ухватился за лодыжку. Черты его лица на миг уродливо исказились от резкой вспышки боли.

И все же, кроме судорожного вздоха, юноша не издал ни единого жалобного звука.

Стоило холодным глазам Сюэхэ повернуться в его сторону, как Минну мгновенно перехватил этот взгляд и, затаив дыхание, позвал:

— Брат Хэ...

Подавив внутреннее отвращение, Минну заставил себя просить о помощи — тупая, непрерывная боль в суставе служила слишком красноречивым напоминанием о том, насколько он сейчас слаб и беспомощен.

— Я сильно подвернул ногу у подножия горы... Пожалуйста, посмотри, что с ней.

Мэй Ханьцзюэ тихо хмыкнул и деликатно отвернулся, сделав вид, что увлечен птицей. Его изящные пальцы, поглаживавшие перья голубя, на миг замерли. Лесная чаща погрузилась в томительное безмолвие.

Неловкая пауза затягивалась, и Минну почувствовал, как немеют от стыда кончики пальцев. Он уже собирался замять разговор и отказаться от своих слов, когда Цзянь Сюэхэ неожиданно сделал шаг в его сторону.

Тень старшего брата накрыла его. Во взоре Сюэхэ не отразилось ни единой эмоции, когда он сухо бросил:

— Где болит?

Минну дрожащими руками приподнял штанину, открывая взору поврежденный сустав. Щиколотка уже превратилась в уродливый, багровый отек — долгая ходьба через силу превратила легкое растяжение в серьезное повреждение.

— Прости, что обременяю тебя, брат Хэ.

Юноша робко вскинул на него глаза. В его влажном взгляде читалась незащитность — сейчас он искусно прятал любое проявление былой ненависти, демонстрируя лишь кротость и безраздельную преданность.

Трудно было поверить, что совсем недавно это же создание готово было вонзить ему в грудь стальной клинок.

Сюэхэ медленно опустился на одно колено и обхватил поврежденный сустав ладонью. Тонкая, изящная голень Минну без труда уместилась в его пальцах. Едва прохладная кожа соприкоснулась с воспаленным отеком, как Минну пронзила дикая, ослепляющая вспышка боли.

Лицо юноши мгновенно утратило последние капли крови, став мертвенно-белым. В этот момент у самого его уха раздался бесстрастный шепот:

— Потерпи. Будет больно.

Не успело затихнуть эхо этих слов, как сильные, горячие пальцы намертво зафиксировали кость. Обжигающее прикосновение сменилось резким, раздирающим ощущением — одним точным движением Сюэхэ с хрустом вправил сместившийся сустав.

— Готово, — холодно бросил он, поднимаясь на ноги.

Проследив за тем, как Минну судорожно впился зубами в собственную нижнюю губу, Сюэхэ равнодушно отвел взгляд.

— Спасибо... брат Хэ, — едва слышно прошелестел Минну. Его била мелкая дрожь, а лицо отливало синевой. То ли ему казалось от шока, то ли излеченная нога теперь болела во много раз сильнее, чем до этого.

Попытавшись опереться на нее, он покачнулся и едва не рухнул на землю, в последний момент успев судорожно ухватиться за шероховатый ствол дерева.

Юноша ничего не смыслил в искусстве врачевания. Сюэхэ окинул его мимолетным, едва скольльзящим взглядом. Заметив неподдельное страдание на лице Минну, он на секунду замер, но тут же отвел глаза.

— Послушай, милый братец, как же тебя угораздило так сильно расшибиться? Кого ты повстречал на своем пути? — Мэй Ханьцзюэ с нескрываемым интересом переводил взгляд с одного на другого. Заметив, как в глазах Сюэхэ на миг промелькнуло нечто похожее на пристальное изучение, он заулыбался еще шире.

— На меня напали свирепые твари, — тихо выговорил Минну.

В глазах у него по-прежнему темнело, тело отказывалось повиноваться. Теряя равновесие, он инстинктивно протянул руку и крепко вцепился в подол белоснежного одеяния стоящего рядом Цзянь Сюэхэ.

<http://bllate.org/book/20439/2131865>